


ПРОЕКТ
«АНТИ-РОССИЯ»

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

A silhouette of a soldier in full combat gear, including a helmet and carrying a rifle, is positioned on the right side of the cover. The soldier is facing left, looking towards the title. The background behind the soldier is a bright yellow, cloudy sky.

Николай Леонов

Николай Сергеевич Леонов

Холодная война против России

Серия «Проект «АнтиРоссия»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373228

Холодная война против России. /Леонов Н.С.: Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-6994-1155-9

Аннотация

«По словам автора «Сейчас в России развелось много западных подголосков, которые настойчиво вбивают в наши головы мысль, что вот-де теперь, после победы демократической “революции” 1991 года, “холодная война”, наконец, закончилась и наступили мир, да гладь, да Божья благодать. Нет ничего более лживого и примитивного. Даже двух извилин в мозгу хватит, чтобы увидеть, что Запад и не собирался вкладывать саблю в ножны. Холодная война против России ведется с неослабевающим напором...» В книге доктора исторических наук, генерал-лейтенанта КГБ Н.С. Леонова показываются все аспекты той непрекращающейся войны, которую Запад вел и продолжает вести против российской цивилизации. Автор считает, что пока не достигнута главная цель западных держав – уничтожение России – холодная война не закончится; средства и методы ее ведения все более и более совершенствуются.

Содержание

Введение	4
«Третья корзина» Запада	13
«Бермудский треугольник»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Сергеевич Леонов

Холодная война против России

Введение

В 1971 году мне было сделано предложение стать заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки. Еще через два года я стал начальником этого управления.

В это время противостояние между СССР и США на мировой арене являлось главным содержанием международных отношений. Несмотря на политику «разрядки», проводимую советским руководством, Соединенные Штаты продолжали упорно добиваться господствующего положения в мире. Экспансионистские устремления США уходят своими корнями далеко в историю. Чуть-чуть окрепнув, Соединенные Штаты, отбросив всякие приличия, занялись силовой империалистической агрессией. В войне 1846–1847 годов они захватили у Мексики две пятых ее территории. Через несколько лет американские авантюристы захватили Никарагуа, восстановили там рабство и вознамерились оккупировать всю Центральную Америку, но потерпели поражение.

Список фактов международного разбоя можно продолжать без конца, достаточно вспомнить американскую интервенцию в Панаму в декабре 1989 года. «Большая дубинка» – символ политики США в Западном полушарии – оставалась вечной, хотя этикетки на ней менялись не раз.

По отношению к СССР Соединенные Штаты всегда занимали недружественную позицию. Сразу же после начала Гражданской войны в 1918 году войска Соединенных Штатов высадились на нашей русской территории – в Архангельске и на Дальнем Востоке, стараясь поддержать сепаратистские устремления местных царьков.

Я знаю, насколько чувствительно американцы сами относятся к вопросам появления иностранных военных на своей территории. Однажды во время переговоров по поводу гастролей Ансамбля песни и пляски имени Александра в США американские представители и пресса совершенно серьезно говорили о том, что появление иностранных военнослужащих в мундирах и со знаками отличия на американской территории можно истолковать как высадку вражеского десанта. Под этим предлогом они настаивали на том, чтобы ансамбль выступал в гражданской одежде.

Мне, русскому, и посейчас больно, когда я вижу кадры кинохроники 1918–1919 годов, показывающие американские боевые корабли в наших портах, морскую пехоту США, марширующую по улицам наших оккупированных городов. Насколько помню, мы их не приглашали.

В 1933 году США были последней из западных держав, признавших Советскую Россию.

В годы Второй мировой войны мы, мальчишки, ждали как спасения открытия второго фронта в Европе. Надеялись, что это поможет нашим отцам и старшим братьям вернуться домой живыми. Но нет! Американцы слали нам оружие по ленд-лизу, кое-какие продукты питания, но кровь проливать в борьбе с фашизмом не торопились...

Я с большим уважением отношусь к американскому народу, к простым гражданам США. Им хватает и чувства справедливости, и сострадания к попавшим в беду. Они умеют на редкость хорошо организовать свой труд, полагаются только на свои силы, уверены в себе. Но так уж устроены государства, что народы оказываются неизмеримо лучше своих правительств. США – не исключение. Разве нормальный средний американец мечтает о том, чтобы разделить на несколько государств Германию, Китай, Россию? А вот правящая верхушка США, ее истеблишмент, никогда не оставляла такой мысли, это была ее голубая геополитическая мечта. Поэтому, говоря «США», я имею в виду те силы, которые лелеяли (или продолжают лелеять) идею мирового господства, ведя дело к ее воплощению в жизнь.

Словом, я работал против США с глубоким убеждением, что делаю доброе, угодное Богу дело, защищая свою страну и помогая десяткам других народов, на себе испытавших когтистую лапу американского орла.

У нас в разведке никогда не стихали дискуссии о том, как строить политику в отношении США — чего можно ждать от них в ответ на те или иные инициативы. Всегда были сторонники поиска договоренностей с США за столом переговоров, но находились и сторонники силового противостояния как единственного условия сохранения равенства с США. Конечно, переговорный процесс выглядит намного предпочтительнее, но вся беда в том, что ход любых переговоров с США сразу же выявлял центральную линию американской стороны — обеспечить главенство американских интересов в ущерб интересам партнера. Психологически Соединенные Штаты никогда не признавали Советский Союз равным партнером, и вся работа американских дипломатов строилась на исходном принципе превосходства США над СССР, которое только надо было закрепить в итоговых документах.

Многие темы, тесно связанные с международной безопасностью, вообще исключались американцами из переговоров как не соответствующие их национальным интересам. Такая судьба постигла предложения об отказе от инициативы ядерного нападения, об отказе от воздействия на природные силы в военных целях, о демилитаризации космоса, об ограничении военного противостояния в Индийском океане и

т. д. и т. п. Другие проблемы – противоракетная оборона, сокращение стратегических наступательных вооружений, прекращение подземных ядерных испытаний – порождали многолетние тягучие «посиделки», в ходе которых США, следившие за все увеличивавшейся экономической слабостью СССР, просто ждали момента, когда наконец руководство СССР, а потом России дрогнет и согласится на их условия. Как бы это ни звучало горько для наших дипломатов, но в переговорной борьбе США неизменно переигрывали нас и постепенно ограничивали, связывали наши амбиции, более расчетливо ставили вехи для будущего вероятного хода развития мира. Стоит только посмотреть на хельсинкский переговорный процесс, результатом которого мы так гордились и который оказался в большой степени фатальным для судьбы СССР.

Как уже было сказано, в мировой политике США просматривается пронизывающая все заряженность на руководящую роль в мире. Эта претензия не зависит от смены администрации в Белом доме. Она может носить грубо откровенный характер, что хорошо просматривалось в речах Рейгана, Буша, а может быть задрапирована декоративными идеями, как во времена Картера. Пожалуй, нежелание американцев принять за исходную точку равенство партнера на переговорах и подпитывало сторонников силового противостояния.

Адепты политики конфронтации в отношениях между

СССР и США утверждали, что единственное средство убедить США вести честную партнерскую политику – это противопоставить им силу. Другого пути заставить себя уважать нет. Причем подавляющее большинство исповедовавших эту точку зрения составляли те, кто много лет проработал в США и знал страну не только по книжкам.

Сторонники этого направления утверждали, что Соединенные Штаты отступили в Карибском кризисе, так же как отступил и СССР, не выдержав реальной угрозы ядерного конфликта. Это потом, много лет спустя, станет насаждаться версия, будто отступил только Советский Союз. Далее США не выдержали груза потерь во Вьетнаме. Они не могли взять в толк, почему сопротивляется народ, у которого были разрушены все города, заводы, дороги, мосты. Они ушли, вьетнамцы победили их психологически, а следовательно, и стратегически.

Много раз пробовали американцы зацепиться за арабскую землю, но стоило арабам взорвать казарму морских пехотинцев в Бейруте и похоронить под обломками две с половиной сотни оккупантов, как почти сразу же раздался звук рога, протрубившего отбой.

Как хотелось американцам наказать строптивого Хомейни, сторонники которого осмелились (неслыханное дело!) захватить американское посольство в Тегеране! На редкость театральную и рискованную операцию придумали они с «Морскими жеребцами» в пустыне, но после ее провала

не решились на прямую конфронтацию. Проглотили боль и обиду только потому, что против них стоял фанатично настроенный противник, который не пощадил бы своей жизни в обмен на чужую.

* * *

За все долгие годы работы в разведке так и не удалось убедить руководство СССР в том, что расчеты на дружбу с США, основанную на одинаковом понимании прав и обязанностей, на равной безопасности, беспочвенны. Американские президенты постоянно исходили из того, что СССР является слабейшей стороной, делали все для того, чтобы он всегда оставался таковым. Если и были какие-то колебания в этой политике, то они диктовались строго рассчитанными интересами. Скажем, американцы никогда, за исключением одного года, не отказывались от поставок зерна в СССР, потому что это экономически выгодно им, закрепляет нашу привычку не производить, а покупать, обескровливает нашу экономику, отбирая столь нужную валюту. Приятно видеть, как ваш противник год за годом превращает в навоз свои скудные золотовалютные запасы. И в то же время американцы никогда не продадут нам современное промышленное оборудование, хотя речь идет также о мировой торговле. Им не нужен потенциальный конкурент. Они создали систему всемирной технологической блокады СССР под предлогом

того, что, дескать, промышленное оборудование используется для военных целей. Это неуклюжая уловка, они сами признают, что военно-промышленный комплекс СССР работал на уровне американских стандартов и производил сопоставимые виды вооружений. Блокировали США гражданскую мирную промышленность: энергетику, металлургию, транспорт. Здесь был очевиден корыстный интерес США.

Сотни раз мы писали и докладывали устно, что было бы непростительной наивностью полагать, что США при каких-то обстоятельствах окажут СССР финансовую или экономическую помощь. Брежнев и особенно Горбачев прожили свои незадачливые политические жизни, так и не поняв, что американцы частенько водили их, как кроликов, по своим тропкам, помахивая перед носом «морковкой» в виде обещания помощи. После августа 1991 года на эту же «морковку» загнипнотизированно смотрели новые правительства России, месяцами не стихали разговоры взхлеб о 24 млрд. долларов помощи. Где они? Неужто так трудно понять, что интересам США не соответствует возрождение России? Зачем им возрожденная, сильная Русь? Без нее им куда лучше и удобнее живется в мире, а от добра, как говорят, добра не ищут...

Информационно-аналитическая работа по США для нас была постоянной борьбой против иллюзий, за трезвый расчет, за действительный учет взаимных интересов.

Как обидно было видеть, что наши лидеры, возвращаясь

со встреч на высшем уровне с американскими президентами, выбивались из сил, чтобы доказать выгоду от проделанной ими работы, успех своей миссии. Им не терпелось немедленно заявить об «исторических» достижениях. В считанные часы созывалось Политбюро, которое принимало решения об одобрении, давались указания внешнеполитическим ведомствам развить успех и т. д. Барабанным боем звучал пропагандистский аккомпанемент. А мы в разведке с горечью наблюдали, как американский президент спокойно возвращался к себе домой и без всякого шума подсчитывал со своими помощниками полученные выгоды...

«Третья корзина» Запада

Пиком развития максимальных внешнеполитических успехов Советского Союза представляется сейчас 1975 год. На фоне продолжавшегося перекрашивания стран «третьего мира» в просоциалистические цвета, крушения португальской колониальной империи и драматических событий в Эфиопии тогда произошли два из ряда вон выходящих события. Об одном уже говорилось – это поражение США во Вьетнаме, вызвавшее глубокие потрясения в американском обществе и серьезное временное ослабление внешнеполитической активности Вашингтона. Второе – Совещание в Хельсинки глав государств и правительств.

Заключительный акт Хельсинкского совещания на первый взгляд оставлял впечатление большой победы Советского Союза, ибо он утверждал послевоенные границы в Европе – предел мечтаний советского руководства. Только специалисты находили в этом монументальном акте слабости, незаметные на первый взгляд, которые грозили в будущем крупными неприятностями Советскому Союзу. В частности, наши эксперты без труда увидели в документе оговорку о том, что границы в Европе могут, оказывается, изменяться, но лишь мирными средствами. И когда мы в разведке прочитали это, перед нами сразу встал образ разделенной Германии.

В ГДР, несмотря на все внешнее благополучие, давно на-

растал заряд недовольства. Разница в материальных условиях жизни, обвальная, четко поставленная радио-и телепропаганда со стороны ФРГ, естественное желание видеть родину воссоединенной – эти факторы исподволь работали в пользу изменения границ. Есть основания полагать, что при проведении на территории ГДР совершенно открытых, под беспристрастным международным контролем выборов результат был бы один: население высказалось бы за воссоединение.

Жизнь показала, что всего через 14 лет сработала не статья о нерушимости границ, а именно маленькое исключение из этого общего принципа, и все потому, что исключение базировалось на учете абсолютно реального положения в Германии, а сама статья фиксировала добрые пожелания политиков, в первую очередь приехавших из Москвы.

Экономические вопросы (так называемая «вторая корзина») были так аккуратно отодвинуты на последний план западными дипломатами, что обтекаемые, ничего не значащие формулировки сохранили, по существу, нетронутой всю капитально возведенную вокруг СССР к тому времени систему торгово-экономической блокады, валютно-финансового карантина.

Зато уступки по вопросам гуманитарного сотрудничества, свободы передвижения людей, обмена идеями и информацией («третья корзина») оказались разрушительными для советской системы. Международное сообщество навязывало

таким образом Советскому Союзу свои понятия о демократии, вынуждало его принимать игру, к которой он не был готов. В те дни складывалось впечатление, что Брежнев и его окружение действовали, рассчитывая на русский авось. Им казалось, что они достигли настолько крупной победы в виде признания послевоенных границ, что за нее можно поступиться мелочами, составляющими гуманитарные послабления. Я убежден, что на самом деле они рассуждали примерно так: можно признать, подписать соглашения, но вовсе не обязательно их выполнять. Собственно, вся последующая практика показала, что партийно-государственное руководство исходило именно из такого понимания «третьей корзины»; хотя соглашение было подписано, в СССР сохранялось большинство унаследованных от прошлого ограничений демократических свобод граждан. Не было учтено только одно обстоятельство – что Запад видел именно в этой «третьей корзине» целую программу практической работы по расшатыванию существовавшей в СССР системы. Начиная с Хельсинкского совещания не было ни одной сколько-нибудь значащей встречи между руководителями или высшими должностными лицами СССР с его западными соседями, в которой бы не поднимались конкретные вопросы, связанные с невыполнением со стороны СССР положений соглашения. Выражаясь спортивным языком, со стороны Запада был организован прессинг по всему полю. Каждая беседа обязательно завершалась вручением списка граждан ев-

рейской национальности, которых непременно надо было отпустить за рубеж. Кончались еврейские мотивы, начинались темы немцев Поволжья, татар и т. д. Вода, говорят в народе, по капле падает, да камень точит. Постепенно под нарастающим давлением большинство послов стали рекомендовать делать уступку за уступкой. Непоколебимый А. А. Громыко начал говорить о необходимости приведения советского законодательства в соответствие с мировым в части, касающейся гуманитарных прав.

* * *

Вся работа США и западноевропейских стран по расшатыванию устоев монолитного советского общества заслуживает высокой оценки и профессионального уважения. Ее можно изучать как образец сочетания четко сформулированной политической цели, маскировки этой цели в привлекательные лозунги, навязывания своему противнику правил и условий игры, а главное – многолетней, упорной, последовательной практической борьбы за осуществление выработанной политики.

Я смотрю на жизнь глазами профессионала и не могу не видеть, что Запад, который яростно защищал права каждого нашего диссидента, каждого «пятидесятника», каждого правозащитника, сразу же после распада СССР потерял всякий интерес к защите прав человека или этнических групп на об-

ширной территории бывшего Советского Союза. Никто сейчас не вспоминает о «третьей корзине», никого не беспокоят массовые нарушения прав граждан по признаку их этнической принадлежности или религиозных верований, не волнуют тысячи убитых и искалеченных, миллионы обездоленных беженцев.

«Права человека» как понятие исчезли из арсенала внешнеполитических отмычек сразу же, как только была достигнута политическая цель: уничтожение своего главного противника – СССР. Но это все стало ясно потом, да и то далеко не всем...

Так уж сложилось, что в течение восьми или даже более лет мне пришлось быть членом партийного комитета разведки, то есть высшего партийного органа в ПГУ. Там обсуждались так называемые «персональные дела», которые выворачивали такие судьбы и приоткрывали дверь в такие потемки нашей жизни, что после этих заседаний приходилось дома пить валокордин, чтобы заснуть. Одно из таких «дел» пришлось как раз на описываемое время. Слушание состоялось 3 октября 1975 года. Перед парткомом предстал сотрудник управления внешней контрразведки М. (того самого, которым тогда руководил молодой генерал О. Калугин), работавший под прикрытием поста заместителя торгпреда в одной европейской стране. По роду службы он должен был обеспечивать соблюдение всеми советскими гражданами в этой стране норм морали и правил поведения за границей. И вот

что я записал по свежим впечатлениям от этого разбирательства:

«Трудно представить себе более омерзительного, даже внешне, субъекта. Почти 50-летний мужик с физиономией плакатного кулака-миroeда был бы находкой для Ломброзо. Жидкие рыжевато-белесые волосы еле скрывают расплзающуюся лысину. Узкий лоб подпирается резко вздутыми надбровными дугами, которые сразу настораживают: «Берегитесь, перед вами пещерный человек!» Глаза цвета застиранного голубого исподнего белья, выпученные, внешне ничего не выражающие, как у лягушки. Мигают редко, но иногда жестко смотрят по углам, как бы выискивая, что можно схватить длинным липким языком.

Приплюснутый, хрящеватый нос вкупе с увесистым подбородком говорит о том, что этому неандертальцу «все по плечу». Вот про таких-то и говорят: «Способный, очень способный, на все способный!»

Четыре часа мы слушали ответы этого человека, и наша общая ненависть к нему крепла. В июне с. г., уезжая в очередной отпуск после пяти с половиной лет пребывания в стране, он оставил запечатанной сургучной печатью пухлую папку в хранилище резидентуры. Но во время его отсутствия резиденту срочно понадобились условия агентурной явки, которые должны были храниться именно в папке у М. Папка была вскрыта, и на глазах изумленного резидента из нее вывалились пачки банкнотов, золотые, платиновые украше-

ния, изделия из драгоценных камней. Сразу вспомнилось, что он недавно оформил покупку второй «Волги», что его жена по 5–6 раз в году ездила «по семейным обстоятельствам» в Москву, каждый раз набивая купе поезда под потолок картонными коробками. Было принято решение досмотреть его багаж на таможне. В нем оказалось, как в магазине, всего по 50: 50 пар обуви, 50 костюмов, 50 плащей, 50 отрезов и т. д.

Четыре часа он врал, выкручивался, потом стал угрожать, что «потащит за собой кое-кого из верхов», а кончил тем, что обмяк, пустил лжеслезу, сказав, что болен раком, хотел обеспечить семью, и затем заявил: «Многие делают, как я!»

Так ни в чем он и не признался, а мы ограничились его исключением из партии и, естественно, увольнением из разведки. Надо было бы отдать его под суд, но все понимали, что суд будет бессилён провести расследование за границей и М. удастся выкрутиться.

Дело М. надолго оставило чувство не только гадливости, но и тревоги. «А что, – думалось, – если эти сокровища не продукт его взяток с фирм, торговавших с Советским Союзом, а подношения спецслужб противника в благодарность за предательство? Почему он держал их за рубежом, а не привез в Москву «для обеспечения семейства»? Значит, намеревался бежать?..»



Не одному мне приходили в голову мысли: «Что же делать? Как определить свою позицию?» Не раз мы обсуждали эти навязчивые вопросы в кругу самых близких сослуживцев. Горькие темы завтрашнего дня Отечества занимали основное время нашего внеслужебного общения. Надо признать, что идея бунтарства, выступления в какой бы то ни было форме против существовавшего строя казалась нам неуместной. Все мы искренне и бесповоротно верили в социализм как в более высокую и гуманную социальную формацию, чем капитализм. Мы также были убеждены, что все наши беды проистекают из-за субъективного фактора – человеческих качеств вождей, надеялись и верили, что придет вскоре к власти новое, молодое, просвещенное поколение партийных и государственных деятелей. Вспоминали персидскую поговорку: «Разозлившись на блоху, не стоит жечь кальсоны». Перед нами был пример такого человека в лице Андропова, «белой вороны» в тогдашнем руководстве, человека беспрдельно честного, педантично сдававшего в господход все поступавшие к нему подарки от коллег из-за рубежа, умного, эрудированного, широко смотревшего на все проблемы, без шор.

Вера и надежда не покидали нас. Не сговариваясь, я и мои ближайшие друзья пришли к решению выполнять до конца

наш солдатский долг разведчиков: говорить и писать правду, помогать по мере сил формировать критическое отношение к миру и к самим себе.

«Бермудский треугольник»

Неплохим лекарством, подкреплявшим душевное равновесие, были поездки за рубеж для выполнения некоторых задач, носивших скорее политический, чем разведывательный характер, хотя черту между этими категориями провести иногда затруднительно. К тому времени уровень моей информированности был достаточно высок, чтобы проводить компетентные консультации с представителями высшего эшелона власти зарубежных государств. Чаще всего мои маршруты пролегли в страны Латинской Америки, которые я лучше знал, языком которых владел достаточно свободно, где у меня было много друзей и «связей». Я не подменял наших послов – официальных представителей государства, потому что часто выезжал в страны, с которыми не было дипломатических отношений, или в страны, где отношения были заморожены на низком бюрократическом уровне и носили формальный характер. Во время контактов с неофициальными представителями всегда проще, без каких-либо обязательств, можно обсудить любой вопрос в предварительном, зондажном порядке.

В мае – июне 1977 года в разведке появилась тропка, которая вела в Панаму к ныне покойному генералу Торрихосу, проводившему тогда трудные переговоры с Соединенными Штатами относительно заключения нового договора о

канале, вернее, договора о передаче канала Панаме. Панамо-американские отношения в то время были одним из напряженных кризисных узлов в мире. Нам, естественно, хотелось оказать поддержку Панаме и ее лидеру в справедливом стремлении получить полный контроль над каналом, проходящим по ее территории. Для США утеря военных баз в Панаме была бы чувствительным ударом. До 1977 года у нас не было прямых выходов на панамское руководство, отсутствовали дипломатические отношения, и вот теперь одна из наших «связей» предложила вывести советского представителя на прямой контакт с самим генералом Торрихосом, завоевавшим к тому времени широкую известность и популярность как честный патриот, умный и энергичный защитник интересов своей страны.

На поездку к Торрихосу рассматривалось несколько кандидатур, и тем не менее начальство остановилось почему-то на мне. В прежние годы начальникам информационно-аналитической службы выезд за границу обычно бывал закрыт: считалось, что они слишком много знают и не стоит подвергать даже случайной опасности источники особой важности, о которых руководитель управления безусловно знал. Приказы в разведке, понятно, не обсуждают, их выполняют.

* * *

25 июня я уже приземлился в Париже, где пару дней на-

слаждался жизнью туриста, затем перебрался в Латинскую Америку. А дальше началась операция, которую я условно назвал «Бермудский треугольник» – столько в ней было неизвестного, загадочного, а может быть, и опасного. Чтобы не подводить никого из друзей, помогавших мне в тех делах, не буду называть точных географических мест и имен. Скажем так: необыкновенно живой и расторопный полковник, которого, видимо, все знали как очень влиятельного человека, доставил меня на своем автомобиле в дальний уголок Н-ского аэродрома, где стоял двухтурбинный реактивный самолет без опознавательных знаков. Мой чемоданчик улетел в грузовой отсек, сам я оказался один в пустом салоне. Самолет быстренько разбежался и легко вспорхнул в облака. Смотреть вниз на вату туч было скучно, и я стал осматривать салон самолета. В нем все дышало казармой. Часть столиков была поломана. Кожаная обивка кресел вытерта, испачкана, местами поцарапана, никаких салфеток, подушечек, как и никаких признаков буфета – непременно принадлежности персональных самолетов глав правительств или государств либо личных машин миллионеров. Крошечный удобный туалетик тоже был порядком захламлен. Но это был личный самолет генерала Торрихоса – главы правительства и командующего Национальной гвардией Панамы, одного из замечательных людей, знакомство с которым подарила мне судьба.

Вдруг дверь пилотской кабины отворилась, и молодой, статный офицер-летчик спросил:

– Куда вас везти?

Я на мгновение оторопел от неожиданности:

– А разве вам не сказали?

– Нет.

– Тогда везите туда, где находится генерал.

– В Панаму или в Фаральон?

– Туда, где находится сейчас генерал, – твердеющим голосом отвечал я.

– Значит, в Фаральон, – подытожил мой собеседник.

– Стало быть, туда, – поставил я окончательную точку, хотя понятия не имел, что такое Фаральон и где он находится.

Через некоторое время самолет, покрутившись у кромки океанского берега, стал заходить на посадку, и я почувствовал холодок в сердце, когда увидел, что рядом с посадочной полосой стоял бронетранспортер, из башни которого высунулся по пояс стрелок, провожавший стволом крупнокалиберного пулемета наш самолет. Стоило только черному, как ночь, пулеметчику нажать на гашетку, и мы, как подстреленный воробей, шмякнулись бы на бетонные плиты полосы.

Как только самолет сел и подрулил к стоянке, туда же подкатил и этот бронетранспортер, стрелок которого не переставал целиться в единственного пассажира. «Вот зараза, – подумалось невольно, – ну что ему надо?» И лишь когда пилот поздоровался с вояками из бронированного ящика, чуть отлегло от сердца. Подали машину, и я поехал в дом генерала, сопровождаемый все тем же бронетранспортером.

Как потом оказалось, Фаральоном называлась прежняя американская военно-воздушная база Рио-Ато, которая арендовалась в годы войны и потом, после нее в течение 25 лет, под предлогом организации защиты входа в Панамский канал из Тихого океана от всяких опасностей. В 1970 году панамцы уже под руководством Торрихоса отказали в продлении договора и попросили вернуть базу. Рассердившиеся янки разрушили ее, сломали все постройки, даже забили камнями колодцы. Осталась только взлетно-посадочная полоса, которую и приспособил для нужд Национальной гвардии Торрихос. Он не любил жить в городе Панама, в «пяти минутах езды на джипе от американских военных фортов в зоне канала», и предпочитал работать здесь, в доброй сотне километров к северу от столицы. К тому же здесь стоял батальон гвардии с 18–20 бронетранспортерами.

Дом генерала находился в полутора километрах от аэродрома. Снаружи его почти не видно, его заслоняют мощные кроны манговых деревьев, крытый навес для автомашин и какое-то подобие летней кухни. Однако его местонахождение выдавали круглая бетонированная площадка для посадки вертолетов да огромный шатер из пальмовых листьев, опиравшийся на деревянные столбы, под которым сидела группа охранников и, разморенная тропическим зноем,

лениво играла в домино. Оружие и подсумки горкой лежали на столе, висели на спинках стульев.

Не успел я захлопнуть за собой дверцу автомашины, как меня сразу же провели в дом. У порога меня встретила секретарь генерала Эстер, которая и провела к Торрихосу.

Я привык видеть его на фотографиях в военной форме, а здесь, дома, он был в светлой вязаной рубашке и темных брюках. На ногах болтались сандалии. Точь-в-точь мелкий служащий на воскресном отдыхе. Не успел я как следует рассказать о себе, как вошли двое: один очень тучный мужчина – президент республики доктор Лакас, а второй – президент Национального банка. Генерал попросил подождать, пока он не решит с ними неотложные дела.

Прекрасно, у меня появилась возможность осмотреться и поговорить с Эстер. Вся обстановка комнаты, где я находился, состояла из пары диванов, составленных под прямым углом, да двух кресел-качалок, разделенных низеньким журнальным столиком. Диваны и кресла были обиты такой мягкой и пушистой искусственной шкурой, что посетитель в ней буквально тонул. Для тропиков это непрактично, здесь все, как губка, пропитано влажной духотой. Но меня предупреждали, что у генерала многое будет непривычным. Он никогда не пользовался услугами поваров, портных, декораторов, на всю жизнь остался в привычках простым солдатом. Все, что как-то облегчает быт, либо оставлено прежними владельцами, либо подарено кем-нибудь из друзей. На

стенах висели две картины неизвестного живописца, изображавшие невероятно толстых женщин с грудями, выпиравшими из выреза платья; манера письма современная, видимо, тоже подарок случайного поклонника.

По профессиональной привычке стараюсь разговаривать с Эстер. Узнаю, что генерал начинает рабочий день в 5 утра и заканчивает в 10 вечера. Отдых его – это обычно путешествие по провинции, куда он отправляется на вертолете, постоянно дежурящем на пяточке перед домом. Все управление осуществляется телефонными распоряжениями или устными указаниями, которые Торрихос дает должностным лицам, когда они приезжают к нему с докладом. Никакого бюрократического аппарата практически нет. Но нет и случаев невыполнения указаний. Всего три секретаря несут вахту в Фаральоне. Они принимают бесчисленные телефонные звонки, передают заранее подготовленные указания и рекомендации генерала, ведут несложное делопроизводство и попутно выполняют функции денщиков: варят кофе, подают сигары, воду, чистят после прогулки в горах солдатские ботинки. Отдежурив трехсуточную вахту, они уезжают на отдых в Панаму.

Президент и банкир уехали, и Торрихос снова вышел ко мне. Я старался нащупать ту волну, на которой говорит и мыслит генерал. В тон ему я снял галстук, так же, как он, поджал под себя одну ногу на диване, чтобы удобнее было сидеть к нему вполоборота. Наконец мы затронули тему, ко-

торая для нас была одинаково интересна – США. Зацепились за эту тему вроде бы случайно: плохо работавший телевизор прохрипел, что, по данным опросов, в Соединенных Штатах 28 млн. женщин систематически избивают их мужья, однако они вынуждены молчать из-за материальной зависимости. «Вот, – почти радостно закричал генерал, – на лету хватай такие сведения о нарушении прав человека в США! А вы из-за какой-то дюжины диссидентов разводите мировые стена-ния. Вообще вы люди без юмора. Неужели в нынешнем мире, где кругом царят беззаконие и насилие, вам необходимо делать вид, будто борьба Джимми Картера за права человека касается в первую очередь вас? Да отшутитесь, превратите все в хохму. Бросьте неуместную в данном случае серьезность.

Права человека – это проблема для нас. В Чили исчезло без всякого следа около трех тысяч человек, военные режимы в Аргентине, Уругвае отправили на тот свет десятки тысяч... а что творится в Бразилии, Парагвае! Там никого не судят, просто убивают, к тому же не за идеи, а за подозрение, что человек может иметь идеи... Мы Картера поддерживаем, нам здесь надо говорить о правах человека, а вам-то за-чем? Какие вы обидчивые, невеселые люди...» Слава богу, разговор пошел.

Вскоре приехали еще два министра – финансов и иностранных дел. Сели за стол, подошло время обеда. Беседа стала очень оживленной. Меня засыпали вопросами, при-

шлось говорить самому, хотя предпочитал бы слушать. Я внутренне сердился на себя, потому что чувствовал, что трудно понимаю речь генерала: тембр голоса у него был низкий, глухой, артикуляция нечеткая, незнакомая, сама речь очень образная, афористичная. Однако через полчаса все встало на свои места.

Обед оказался на редкость скромным: сухой отварной рис, жесткое жареное мясо, овощной салат, вареная фасоль – все, никаких разносолов. На стол не поданы ни спиртные напитки, ни пиво, только холодная колодезная вода. «А как же надоевшие рассказы американских газет о болезненном тяготении генерала к выпивке, разговоры о циррозе печени?» – сам собой выплыл вопрос, на который есть только один ответ: пресса – не столько средство информации, сколько оружие политической борьбы.

За разговором не заметили, как стало смеркаться. Генерал подошел ко мне и сказал: «Знаешь, мне бы хотелось продолжить беседу с тобой, но, к сожалению, на завтра у меня назначено заседание Государственного совета высоко в горах, где расположено крупное месторождение меди Сьерра-Колорада. Если нет возражений, давай полетим завтра вместе туда на вертолете, сможем продолжить разговор, а заодно посмотришь нашу страну. А ночевать останешься у меня дома. Идет?»

Вопрос был лишним. Конечно, я мотнул головой в знак согласия. Главное было сделано – удалось установить первый

контакт, создать поле взаимопонимания, перекрестного интереса с высокой политической плотностью.

* * *

Более суток я провел бок о бок с генералом, большую часть времени сидя рядом с ним в вертолете. Он был моим гидом и наставником. С горечью показывал мне крохотные заплатки земли, распаханые на крутых горных склонах, — помещики все более и более теснили крестьян с плодородных равнин. «Чтобы посеять что-то на этих обрывах, приходится стрелять туда семенами из ружья», — не то шутя, не то всерьез говорил Торрихос, попутно замечая, что под американскими банановыми плантациями в Панаме занято несколько десятков тысяч гектаров отличных земель, которые держатся в резерве. Бананы сильно истощают землю, поэтому через семь-восемь лет ей нужно дать отдых для восстановления плодородия. «Американцам бананы нужны для фруктового десерта, а нам не хватает риса и кукурузы для пропитания». Мечты о процветании Панамы, заботы о благополучии своего народа так или иначе прорывались в каждом его комментарии, замечании.

После окончания полевого заседания Государственного совета, когда все приглашенные министры, бизнесмены, иностранные эксперты со скоростью похоронной процессии спускались вниз по скользким после дождя горным дорогам,

Торрихос внезапно обратился ко мне: «Обидно, что слушали сейчас иностранных специалистов, докладывавших технические и экономические обоснования проекта, и не нашлось среди нас панамца, который по деловому раскритиковал бы проект. Пусть бы в чем-то оказался не прав, но обязательно дал бы им по зубам». Спросив руководителя работ о молодых специалистах, которые уже успели хорошо проявить себя, он пригласил их к разговору. Подошли три молодых человека. Они рассказали о себе, и генерал без всякой передышки предложил им поехать учиться на пару лет за границу: «Сами выберете себе страну, где лучше всего поставлено меднорудное дело, и не возвращайтесь без докторского диплома. Ведь как здорово будет звучать: «Сеньор Лопес, панамец, доктор геолого-минералогических наук». Если поедете в США, то, ради бога, не женитесь на американках. Они эгоистичны, да и нам от них пользы мало».

По счастливой случайности оказалось, что на руднике работал выпускник Университета дружбы народов, которого тоже позвали, и он, сияющий, уже издали кричал мне по-русски: «Да здравствует Советский Союз!» К сожалению, он оказался не геологом, а экономистом. Известно, насколько примитивно знали и изучали экономику тогда в Советском Союзе, где даже академики от экономики выглядят беспомощнее рядовых управленцев коммерческих фирм Запада.

Но главное место в наших бесконечных разговорах занимали, конечно, Панамский канал и панамо-американские пе-

переговоры о заключении нового договора, предусматривавшего передачу канала Панаме в собственность с 1 января 2000 года. Тем временем в Вашингтоне шли тяжелые, напряженнейшие переговоры по доработке текста договора. Торрихос хотел использовать любую возможность нажима на американцев. Он не собирался скрывать свои встречи с представителем из Москвы, попросил дать мой московский телефон, заговорщически прошептав при этом: «Послушай, не удивляйся там, в Москве, когда я позвоню тебе и буду спрашивать совета, как поступить в тех или других вопросах. Отвечай как можно туманнее и загадочнее. Они любят слушать все наши международные переговоры, перехватят и этот. То-то будет у них переполох!» Они – это, конечно, американцы. Надо сказать, что эту игру мы довели с ним до конца. Он действительно звонил из Панамы на мою московскую квартиру, и мы, посмеиваясь в душе, разыгрывали несуществующие сцены. А потом он мне рассказывал, что расчет оправдался и на переговорах с американцами эффект угрозы сближения с Москвой действовал неотразимо: Вашингтон шел на уступки.

Но главное, Торрихосу заставляла искать с нами контакты серьезная озабоченность, что Соединенные Штаты могут отказаться от подписания договора о канале. Тогда перед генералом, связавшим свою политическую судьбу с борьбой за возвращение канала Панаме, не оставалось бы никаких иных путей, кроме как начать силовые действия против американ-

цев: уйти в сельву, начать партизанскую борьбу, встать на путь диверсий. Эту альтернативу он излагал публично, но я видел, что она пугает его самого, что он был бы рад, если бы она сработала как угроза, не претворившись в реальность. Но надо было готовить позицию на случай срыва переговоров, и тут без помощи Советского Союза было не обойтись.

Торрихос без конца рассказывал о Панамском канале. Вспоминал, как в период строительства канала американцы выселили из переданной им зоны площадью 500 квадратных миль вдоль трассы канала всех местных жителей, чтобы не иметь никаких проблем. 30 % всей зоны Панамского канала американцы заняли своими военными городками и базами, разместив на постоянной основе около 10 тыс. солдат – это втрое больше, чем все вооруженные силы Панама. Давно многократно окупивший себя канал и его зона оставались колониальным анклавом, разрезавшим Панаму надвое. Генерал говорил о том, что в нынешнем виде канал оказывает разлагающее влияние на панамский народ. Каждый из 10 тыс. американских военнослужащих старается на время пребывания в Панаме обзавестись временной подружкой из числа задавленных нуждой молодых женщин. Теперь эти женщины протестуют против ухода американской армии в случае национализации канала. Обслуживает канал и зону около 8 тыс. панамских рабочих, занятых самым черным, неквалифицированным трудом. Им платят по низшей шкале американских зарплат, но это значительно выше, чем зара-

ботки панамских рабочих. Эта категория оказывается также в числе противников национализации канала, хотя им и стараются объяснить, что национализация не уменьшит доходы от канала и их интересы не пострадают.

Торрихоса серьезно заботила проблема пресной воды, которая расточительно расходуется, обеспечивая работу канала. Обе нитки шлюзов, спадающих к Атлантическому и Тихоокеанскому побережьям, питаются пресной водой, которая накапливается в водохранилищах в верховьях горных рек, перегороженных плотинами. До поры до времени сбор и сброс воды из водохранилищ в океаны не вызывали тревоги, хотя каждое шлюзование означало безвозвратную потерю 50 млн. л воды. Но по мере роста города Панама резко увеличились и потребность в воде у горожан, и потребность в электроэнергии, производимой на гидростанциях, воду у которых, к сожалению, забирал канал. Расширение ирригационных систем также требовало воды, а она в основном аккумулировалась в зоне Панамского канала, и временами панамскому правительству приходилось покупать свою собственную воду у американской администрации канала.

Думая о решении этой проблемы в будущем, генерал развивал идеи строительства нового, бесшлюзового канала или создания принципиально нового межокеанского пути, состоящего из многорельсового железнодорожного полотна, по которому будут ходить особые тележки, приспособленные для перевозки крупных морских судов. Это будет своеобраз-

ный «волок» – быстрый, дешевый и надежный.

Торрихос подробно рассказал мне о ходе панамо-американских переговоров, ответил на все вопросы, которые возникали в связи с революционным процессом, происходившим в самой Панаме. Провожая меня после пяти дней пребывания в Панаме, Торрихос распорядился выдать мне визу сроком на один год для въезда в Панаму. Это было лучшим признанием успеха встречи. И все-таки приятно польстили самолюбию последние слова, сказанные им при прощании: «Если все русские такие же, как ты, то это просто здорово!»

* * *

От треволнений, изнурительной, непривычной жары, полного отсутствия аппетита я здорово похудел. Мне очень хотелось домой, не терпелось доложить информацию, полученную от самых компетентных и авторитетных источников, о «белом пятне», которым была для нас до того времени Панама. Я не стал задерживаться в Париже, вечном пересадочном пункте при полетах в Латинскую Америку.

Я был сам доволен операцией, она разбудила было начавшие дремать охотничьи инстинкты разведчика. Оказалось, что порох не совсем отсырел в пороховницах за время работы в центре. Уже порядком общипанные жизнью крылья еще держали меня в воздухе.

В последующие годы я регулярно наведывался в Пана-

му, где так и не открылось советское посольство. 7 сентября 1977 года в Вашингтоне США подписали с Панамой договор о передаче Панамского канала Панаме с 1 января 2000 года. Цель жизни Торрихоса была достигнута. На церемонию подписания прибыли 18 глав американских государств, три или четыре вице-президента и несколько министров иностранных дел. Более ста человек входили в панамскую делегацию, среди которых были писатели Габриэль Гарсия Маркес, Грэм Грин. Торрихос хотел, чтобы весь мир стал свидетелем и гарантом честного договора.

Прошел год, и новые сомнения начали терзать Торрихоса. Теперь это было связано с ратификацией договора. В марте 1978 года он встретил меня как старого знакомого, и я сразу же почувствовал его раздражение действиями США. Он рассказал, что с момента подписания договора по март 1978 года в Панаме побывали 50 сенаторов США (ровно половина состава сената) и каждый приезжал, чтобы на месте ознакомиться со страной, с ходом демократизации ее и т. д. Все они были уверены в том, что Торрихос – это «тиран», «диктатор», «сильная личность» и пр. Их взгляды нередко основывались на слухах, что генерал – выпивоха, бабник, друг и приятель Фиделя Кастро. Они требовали, чтобы Торрихос лично сопровождал их во время полетов, а в самолете досаждали вопросами: «Когда ты уйдешь от власти?», «Почему ты выслал своих политических противников из страны?», «Когда будут проведены выборы?» и т. д. Беспардонность

сенаторов была невероятной, даже сопровождавший их тогда американский посол в Панаме Джордэн писал, что временами ему казалось: «Торрихос мог бы открыть дверь салона и выбросить парочку этих людей в Тихий океан». Посол видел, как часто ходили желваки на скулах у Торрихоса, и вмешивался, чтобы разрядить обстановку. Мне генерал говорил, что только сознание острой необходимости соглашения с США не позволяло ему сказать все, что хотелось, куражившимся политиканам. Они без конца поучали его, пили, жрали, лапали женщин и опять поучали, хапали подарки и снова назойливо поучали.

Стоило только не оказать какому-нибудь сенатору максимального внимания, как он становился в позу и пополнял ряды противников договора. Так получилось, например, с сенатором Деконсини (от штата Аризона). Он приехал в Панаму с женой, матерью и младшим братом в такое время, когда Торрихос, занятый делами, не смог лично уделить ему внимание. Этот обиженный политический карлик жестоко отомстил в ходе голосования, едва не поставив под удар плоды работы многих лет. Он стал и автором всех антипанамских поправок.

Генерал верил Картеру, который все время просил его потерпеть, подождать, не делать резких заявлений, обещал все постепенно уладить. Торрихос согласился до дня ратификации ничего не предпринимать, но намекал, что в случае срыва ратификации ситуация радикально изменится. «Я от сво-

его не отступлю, — говорил он, — никаких дополнительных капитулянтских договоров подписывать не буду, иначе народ будет вправе повесить меня на первом же телеграфном столбе. Я распорядился транслировать напрямую все дебаты из американского конгресса на Панаму, чтобы весь народ слышал, какие гадости говорят про нас янки. Мы теперь повзрослели, нас нельзя ни запугать, ни обмануть». Когда я высказал ему идею о провозглашении Панама вечно нейтральной страной, он заинтересовался моей аргументацией. У США, говорил я, исчезают основания для особых претензий на оборону канала, ибо статус вечно нейтральной страны будет охотно признан мировым сообществом. Затем Торрихос спросил: «А не стану я в этом случае похожим на политического скопца, на бесплодного мерина? Сможет ли моя страна проводить активную внешнюю политику, оказывать помощь друзьям?» Я ответил, что Швеция остается уважаемой энергичной страной, Австрия стала местом международных организаций, переговоров, а ее гражданин Курт Вальдхайм — Генеральным секретарем ООН. «Да, — задумался Торрихос, — надо изучить». Но, по-моему, к этой идее он не возвращался. А зря! О своей внешней политике Торрихос иногда говорил с большим юмором. «Никто не может понять, кто же я такой. Сомоса звонит и просит прислать слезоточивые газы для разгона демонстраций, полагая, что я — его поля ягодка. А я отвечаю, что только что послал всю наличность в Перу и сейчас у меня нет ничего. Гватемальцы

просят поделиться опытом борьбы за мировое общественное мнение для подкрепления претензий на спорную территорию Британского Гондураса – Белиза. Сандинисты – враги Сомосы – просят денег и оружия. Немного, но даю». Показывая на взлетную дорожку аэродрома, он внезапно выпаливает: «Ты думаешь, что здесь садится и взлетает только мой самолет? Нет, отсюда частенько стартуют самолеты, груженные оружием для партизанских сил в Центральной Америке. Труднее всего бывает спилить заводские марки с хорошей стали, но мы и это освоили!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.